

Юридические коллизии уголовного судопроизводства России: понятие, сущность, виды

Прежде всего, определимся в исходных моментах, призванных устранить возможную двусмысленность в определении предмета исследования. Не считая необходимым без особой нужды повторяться в категориальном аппарате исследования, в рамках данной статьи мы, в частности, принимаем, как данность, как априори доказанные следующие тезисы:

1. Категории «правотворческая ошибка» и «законотворческая ошибка» воспринимаются как тождественные, ибо мы конвенциально отказываемся от обсуждения, все еще дискуссионных в теории права, вопросов о соотношении: «закона и права»; «права естественного и позитивного»; «правового и неправового закона»;

2. Напротив, нередко воспринимаемые как идентичные термины «конкуренция» норм и их «коллизия», не могут быть восприняты нами как тождественные. Конкуренция норм имеет место, когда какое-либо общественное отношение охватывается предписаниями двух или более, как правило, не противоречащих друг другу норм, которые претендуют на применение. Результатом подобной конкуренции выступает преимущество одной нормы перед другой, которая в данном случае и подлежит применению, создавая комплекс дополнительных процессуальных или материальных гарантий. При неправильном выборе, подлежащей применению, нормы коллизия, конечно, также возможна. Однако она не связана с наличием в законе правотворческой ошибки, являясь следствием субъективных, по сути, факторов, в том числе связанных с непониманием истинной сути закона. Примером подобной конкуренции, например, является предписание, обязывающее публичные процессуальные органы в императивном порядке уведомить о задержании родственников подозреваемого. По смыслу ч. 1 ст. 96 УПК РФ: дознаватель, следователь не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого уведомляет кого-либо из близких родст-

венников, а при их отсутствии – других родственников или предоставляет возможность такого уведомления самому подозреваемому. Однако по смыслу ч. 3 ст. 423 УПК РФ при задержании несовершеннолетнего подозреваемого его законные представители уведомляются – незамедлительно. Очевидно, что в контексте надлежащего обеспечения прав несовершеннолетнего подозреваемого предписания «...не позднее 12 часов» и «...незамедлительно» не могут быть восприняты как идентичные и о задержании в исследуемой ситуации следует уведомлять именно незамедлительно, а не в течение 12 часов.

3. В отличие от конкуренции, коллизия – это не процесс сравнения сути и содержания однородных правовых предписаний и выбора оптимальной для применения нормы, а *последствия* применения противоречащих норм. В этом контексте под коллизией, прежде всего, принято понимать объективно имеющееся противоречие между двумя или несколькими нормами, регулирующими однородные общественные отношения, обнаружившее себя в процессе правоприменительной деятельности¹. Суть этого противоречия в несоответствии предложенных (к конкретному случаю) правовых предписаний не только по их нормативному содержанию, но и по форме выражения. Результатом противоречия выступает – правовая коллизия, т. е. негативные, по сути, последствия, проявляющие себя в процессе правоприменения. И, прежде всего, в виде в виде принятия неправомερных процессуальных решений, нарушения прав и законных интересов личности, необеспечения надлежащей защиты, регулируемых отношений. В данном случае о конкуренции норм речь не идет. Одна из норм (несколько из них), направленных на регулирование однородных общественных отношений, является порочной, по сути, объективируя себя, как явная правотворческая ошибка, без устранения которой нельзя добиться оптимизации правоприменительного процесса.

---

¹ См.: Баранов В.М., Сенякин И.Н. Юридикo-технические способы обеспечения преимущества специального закона перед общим /Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: в 2 т. /Под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2001. – Т. 1. С. 311–312.

В этом контексте следует в целом согласиться с позицией В.М. Баранова, одним из первых определившим правотворческую ошибку, как «...результат неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия»².

В определении, как видим, прямо указывается на то, что правотворческая ошибка это, воплотившийся в законе *результат* заблуждения или неправомερных действий нормотворческого органа. По своей сути, этот результат *не соответствует* объективно необходимому уровню нормативного регулирования. В итоге он влечет *неблагоприятные* социальные и юридические последствия (т. е. коллизию) для правоприменительного процесса.

Наличие в УПК РФ целого ряда законотворческих ошибок признается большинством исследователей. Свидетельством тому и перманентные изменения норм УПК РФ, которых за шесть лет его функционирования принято более 700. Привело ли это к оптимальности нормативного регулирования, к исключению наиболее явных коллизий. Полагаем, что нет, ибо противоречия в правовых предписаниях достаточно легко обнаруживают себя при анализе практически любого из уголовно-процессуальных институтов. Однако с учетом, принципиально отстаиваемых нами, свойств юридической коллизии, как негативных последствий в правоприменительном процессе, вряд ли следует воспринимать как коллизию различие в правовых предписаниях, которое легко минимизируется посредством применения аналогии права или закона, надлежащим правосознанием участников правовых отношений, очевидной абсурдностью имеющегося коллизионного веления. В качестве таковых практикой, в частности, воспринимаются правотворческие ошибки юридического, логического или

---

² См.: Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и технология /Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: в 2 т. – Т. 1. С. 388.

грамматического характера, связанные с явной неоднозначностью имеющихся в УПК РФ предписаний. Приведем лишь некоторые из них.

Правотворческие ошибки юридического характера, к которым принято, прежде всего, относить пробелы в правовом регулировании, избыточную нормативность, коллизии между однородными нормативными актами, фактографические ошибки или ошибки в выборе средств правового регулирования³.

Наиболее распространенными среди ошибок подобного вида являются *пробелы в правовом регулировании*. К примеру, определяя нормативное назначение уголовного судопроизводства, положения ст. 6 УПК РФ, в отличие от УК РФ, не охватывают своим регулированием необходимость защиты от преступных посягательств интересов государства и общества. Между тем, ряд тяжких и особо тяжких преступлений, предусмотренных нормами УК РФ, посягает исключительно на эти публичные интересы. Порождает ли указанный пробел коллизию в уголовном судопроизводстве России. Очевидно, что нет, так как в силу публичных начал уголовно-процессуальной деятельности посягательства на указанные интересы *ex officio* влечет возбуждение и развитие уголовного процесса, а названный пробел в регулировании легко минимизируется устоявшимся в этом вопросе правосознанием участников правовых отношений.

В нормах ст. 225 УПК РФ, в отличие от норм ст. 217 УПК РФ, законодатель не требует разъяснить обвиняемому, который знакомится с делом окончательным расследованием в форме дознания, его права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ. Налицо, пробел в правовом регулировании. Однако в силу п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ не выполнение названной процессуальной обязанности в отношении прав обвиняемого влечет императивное возвращение дела из суда прокурору. Осознавая неизбежность подобных последствий, дознаватели по аналогии закона самостоятельно восполняют указанную пробельность, разъясняя обвиняемому положения ч. 5 ст. 217 УПК РФ, ибо коллизия (правоприменительного процесса) в этом вопросе не в их интересах.

---

³ Подробнее см.: Баранов, В.М., Сырых В.М. Указ. раб. С. 389–392.

Не всегда порождает коллизии и *избыточная нормативность* в правовом регулировании. Например, регулируя процессуальную форму допроса и очной ставки, законодатель в нормах ч. 1 ст. 189 и ч. 1 ст. 192 УПК РФ дополнительно указывает на то, что перед началом названных следственных действий следователь обязан выполнить положения ч. 5 ст. 164 или ст. 164 УПК РФ в целом. Между тем, определяя общие правила производства всех, а не только названных двух следственных действий, нормы ст. 164 УПК РФ не нуждаются в дополнительном дублировании ни в ч. 1 ст. 189, ни в ч. 1 ст. 192 УПК РФ. Негативных последствий в правоприменительном процессе это, правда, не вызывает. Поэтому и в этом случае говорить о коллизии, вероятно, не приходится⁴.

Не избежал законодатель в нормах УПК РФ и *фактографических ошибок*, так как в одних моментах отсылает правоприменителей к несуществующим нормативным актам; в других, к актам, которые не содержат искомой информации. К примеру, в п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ законодатель указывает на то, что прокурор вправе проверять исполнение *требований федерального закона* при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Между тем, как известно, система требований к приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлении определена не декларируемым федеральным законом, а ведомственным, подзаконным, по сути, нормативным актом, которым собственно и руководствуются органы и должностные лица, осуществляющие прием, регистрацию и разрешение сообщений (поводов) о преступлении. Однако, и в этой ситуации, полагаем, нет смысла говорить о коллизии, ибо, отмечаемое большинством исследователей и явно негативное положение дел в сфере приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлении, очевидно, вызвано не столько отсутствием названного федерального закона, сколько наличием сугубо субъективных факторов. Не последнее место среди них занимает

---

⁴ Та же избыточность регулирования, но без коллизии, проявляет себя в ч. 2 ст. 202 УПК РФ (дублируя положения ст. 9 и 164 УПК); ч. 3 ст. 265 УПК РФ (дублирующей в части своих предписаний нормы ч. 2 ст. 265 УПК); ч. 4 ст. 339 УПК РФ (дублирующих ч. 1 ст. 334 УПК); ч. 4 ст. 341 УПК РФ (дублирующих своим содержанием п. 5 ч. 2 ст. 333 УПК).

и (во многом определяющая правосознание управомоченных сотрудников) система ведомственных показателей выявления и раскрываемости преступлений.

Не всегда порождают коллизии и правотворческие **ошибки логического характера**, среди которых в большинстве своем тавтология, нарушение соразмерности понятий, использование понятий не в соответствии с их общепринятым значением, определение неизвестного через неизвестное.

К примеру, даже при определении уголовного судопроизводства, как деятельности, законодатель не может точно определиться в принципиальном вопросе о том: что есть уголовное судопроизводство, каковы его содержание и структурные элементы. Нет, определяя в нормах ст. 5 УПК РФ, основные понятия уголовно-процессуального права, законодатель дает определение уголовного судопроизводства. По буквальному смыслу п. 56 ст. 5 УПК РФ – это досудебное и судебное производство по уголовному делу. Как видим, законодатель апеллирует только к (досудебному и судебному) производству *по уголовному делу*. Но, в систему стадий и производств российского уголовного процесса, как известно, включена и стадия возбуждения уголовного дела (ст. 140-149 УПК), то есть деятельность, которая как раз направлена к установлению оснований для законного и обоснованного возбуждения дела. По буквальному смыслу норм п. 56 ст. 5 УПК РФ – это не уголовное судопроизводство, ибо уголовного дела (как такового) в наличии еще не имеется; нет, естественно, и производства по нему. Однако приведенное определение противоречит как процессуальной доктрине, так и позициям законодателя, изложенным в п. 9 ст. 56 УПК РФ. Раскрывая в указанном пункте понятие «досудебного производства», он же методологически точно указывает на то, что последнее включает в себя: уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу. Таким образом, деятельность в стадии возбуждения уголовного дела, безусловно, является уголовным судопроизводством, т.е. деятельностью, которая подпадает (должна подпадать) под действие основополагающих норм УПК РФ.

Несмотря на очевидность данного вывода, законодатель не изменяет себе. Примером тому та же, по сути, ошибка в конструировании: чч. 1–2 ст. 2, ч. 1 ст. 3, ст. 4, п. 52 ст. 5, ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 18, ч. 9 ст. 31, ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 66, ч. 1 ст. 73 УПК РФ, где законодатель упорно апеллирует лишь к производству по уголовному делу. Между тем, по контексту изложенных в них предписаний явно необходимо указание на уголовное судопроизводство в целом.

К числу правотворческих ошибок *грамматического характера*, правда, не порождающих особых коллизий, можно отнести нормы, изложенные с использованием терминов не всегда уместных в предложенном нормативном контексте. К примеру, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 211 УПК РФ предварительное следствие возобновляется на основании постановления следователя, если «...*отпали* основания его приостановления»; в соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ, окончив расследование, следователь предъявляет обвиняемому «...*подшитые* и пронумерованные материалы уголовного дела»; в соответствии с ч. 3 ст. 346 УПК РФ присяжные заседатели после провозглашения вынесенного ими вердикта вправе остаться в зале судебного заседания «...на отведенных для *публики* местах». Очевидно, что каждый из названных терминов, с позиций лингвистики и грамматики русского языка, может быть заменен.

В итоге, даже беглый анализ норм УПК РФ дает примеры правотворческих ошибок, как не создающих коллизий правоприменительного процесса, так и порождающих такие коллизии, которые требуют безотлагательного внимания законодателя. Последние также легко дифференцируются на ошибки юридического, логического или грамматического характера, раскрывая через свои подвиды конкретные нарушения в правотворческом процессе и наиболее острые коллизии современного уголовного судопроизводства России. Остановимся на рассмотрении отдельных из них.

Коллизии ошибок юридического характера. Наиболее острые проблемы среди этих ошибок вызывает пробельность нормативного регулирования.

Так, одним из важнейших прав обвиняемого, дело в отношении которого направляется в суд, является его право на заявление ходатайства об особом по-

рядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК). С целью реализации данного права обвиняемому при ознакомлении с материалами дела в императивном порядке разъясняются положения ч. 5 ст. 217 УПК РФ и фиксируется его воля в этом принципиальном вопросе процесса. Применительно к следствию это предписание сформулировано в нормах ч. 5 ст. 217 УПК РФ; применительно к дознанию – пробельность имеющего регулирования, что уже отмечалось, восполняется применением дознавателями аналогии закона. Применительно к категории дел частного обвинения – ни закон, ни практика пробельности нормативного регулирования не восполняли, поскольку по смыслу ч. 3 ст. 319 УПК РФ мировой судья вообще не обязан разъяснять обвиняемому суть данного права при ознакомлении с обвинением и разъяснении прав. В итоге на протяжении ряда лет обвиняемые по данной категории дел, как показывают результаты проведенного нами исследования⁵, были лишены права на особый порядок судебного разбирательства, искусственно ограничены в правах⁶.

Серьезной коллизией современного уголовного судопроизводства являются и нормы ст. 237, ч. 3 ст. 386, ч. 1 ст. 389, 412 УПК РФ. Суть данной коллизии в том, что законодатель оставил без регулирования предельно важный вопрос о наличии оснований для отвода судьи (состава суда) при возможном повторном рассмотрении уголовного дела. Нет, в нормах ст. 63 УПК РФ законодатель, по идее, формулирует категорический запрет на повторное рассмотрение дела тем составом суда, который уже принимал участие в его рассмотрении в той или иной судебной инстанции. Однако, по смыслу ст. 237 УПК РФ, особенно в их конституционно-правовом истолковании, судья, как известно, вправе вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий в его рассмотрении, как из суда первой инстанции, так и из суда кассационной или надзорной инстанций. По устранении выявленных судом нарушений, дело вновь

---

⁵ См.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Необеспечение прав обвиняемого, как основание для возвращения уголовного дела прокурору // Российский судья. – 2005. – №7. – С. 21–25.

⁶ В определенной мере пробельность в данном вопросе устранена постановлением пленума Верховного Суда РФ. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №60 от 05.12.2006 г. «О применении судами особого порядка разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 декабря.

возвращается в суд. Возникает вопрос: вправе тот же судья приступить к его рассмотрению или основания для его отвода уже очевидны, поскольку данный суд (судья) уже участвовал в его рассмотрении по существу?⁷

По смыслу ч. 3 ст. 386 УПК РФ: приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей и противоречащий ему, подлежит отмене с передачей уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В этом случае новое рассмотрение дела начинается с момента, следующего за провозглашением вердикта присяжных заседателей. Возникает тот же вопрос: судья в этом случае, по смыслу ст. 63 УПК РФ, подлежит замене или оснований для его отвода не имеется? Если он все же подлежит отводу по основаниям ст. 63 УПК РФ, насколько правомерно начинать (продолжать) судебное рассмотрение дела «...с момента, следующего за провозглашением вердикта присяжных заседателей», как того требует законодатель. «Новый» судья, вступивший в дело с этапа указанного законодателем, вообще не исследовал доказательства по правилам ст. 240 УПК РФ, не формировал своего внутреннего убеждения об обстоятельствах дела, о той или иной степени доказанности обвинения. В данной связи, насколько он в состоянии постановить законный, обоснованный и справедливый приговор? Закон – не дает ответа на эти вопросы.

По смыслу ч. 1 ст. 389 УПК РФ: суд кассационной инстанции повторно рассматривает уголовное дело в кассационном порядке по кассационным жалобе или представлению другого кассатора, если кассационная жалоба (того или иного кассатора) поступила тогда, когда уголовное дело в отношении этого же осужденного уже рассмотрено по кассационным жалобе или представлению другого участника уголовного судопроизводства. И в этом случае, допуская повторное кассационное рассмотрение дела, законодатель оставил без ответа вопрос, насколько возможно повторное его рассмотрение тем же судом (судебным составом), фактически уже участвовавшим в рассмотрении и разрешении

---

⁷ По данным проведенного нами исследования судьи в названной ситуации не видят оснований для отвода, вновь принимая дело к своему производству и приступая к его рассмотрению по существу. См.: Ковтун Н.Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации. Учебное пособие /Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов – Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. 296 с.

данного дела в порядке кассации; насколько беспристрастным является этот суд (судебный состав) при рассмотрении названной повторной жалобы?

Наконец, по смыслу ст. 412 УПК РФ повторное рассмотрение дела по жалобе/представлению (другого) участника возможно в суде надзорной инстанции⁸. И здесь законодатель оставляет открытым вопрос о возможном наличии оснований для отвода состава суда, уже выносившим решение по этому делу, порождая (возможные) коллизии, во-первых, между судом и сторонами; во-вторых, между сторонами, отстаивающими в суде различные интересы и по-разному трактующих положения ст. 61 и 63 УПК РФ⁹.

Коллизионными проблемами «отметились» и последние по времени новеллы законодателя, внесенные в УПК РФ Федеральным законом №87-ФЗ от 5 июня 2007 года. Изменяя данным законом нормы ст. 221 УПК РФ, законодатель, по инерции, «вычеркнул» из новой редакции названной нормы правомочие прокурора, предусмотренное п. 4 ч. 2 ст. 221 УПК РФ. Согласно последнему, до внесения изменений, утверждая обвинительное заключение, прокурор одновременно был вправе сформулировать ходатайство к суду о проведении заочного судебного разбирательства в отношении (скрывающегося) обвиняемого по правилам чч. 5–6 ст. 247 УПК РФ, что, в свою очередь, требовало обсуждения этого вопроса по правилам предварительных слушаний. В итоге: сама возможность подобного разбирательства в законе осталась (чч. 5–6 ст. 247 УПК); обязательны и предварительные слушания, как единственно легитимная форма подготовки дела к судебному разбирательству при наличии подобного ходатайства прокурора (п. 4.1 ч. 2 ст. 229 УПК). А вот когда прокурор (или иной заинтересованный субъект?) вправе заявить такое ходатайство – это предписание из закона «исчезло». Восстанавливать пробельность возникшего регу-

---

⁸ Понятие повторной жалобы достаточно раскрыто в позициях пленума Верховного суда РФ. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 г. «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в суде надзорной инстанции» //СПС «КонсультантПлюс»

⁹ Оговоримся, мы считаем явной правотворческой ошибкой позицию законодателя, не усматривающего в нормах ч. 3 ст. 63 УПК РФ оснований для отвода судьи надзорной инстанции при повторном рассмотрении и разрешений (того же) уголовного дела по существу.

лирования правоприменителям, вероятнее всего, придется по общему смыслу закона и субъективному усмотрению того или иного состава суда, по мере сил и возможностей, трактующего данный пробел.

Серьезной коллизией внесенных новелл стала и новая редакция ст. 153 УПК РФ. Устраняя из данной статьи исключительное правомочие прокурора на возможное соединение двух или нескольких уголовных дел в одно производство, законодатель в новой редакции ч. 3 ст. 153 УПК РФ переадресовал это правомочие руководителю следственного органа. Для следствия, как формы предварительного расследования, коллизии, естественно, не возникает, но применительно к дознанию, как формы предварительного расследования, коллизия – обнаружила себя незамедлительно, ибо в одних регионах страны дознаватели, как и ранее, апеллируют в этом вопросе к прокурору (сохранившему властно-распорядительные полномочия по отношению к дознанию); в других, к руководителю следственного органа. Говорить о единообразном применении закона и единой законности в данной ситуации уже не приходится.

Исключено указание на прокурора (тем же ФЗ №87-ФЗ) и из норм ч. 1 ст. 125 УПК РФ, так как его постановления якобы не могут быть предметом обжалования со стороны заинтересованных лиц в названном процессуальном порядке. Возразим, по п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ прокурор, безусловно, вправе прекратить производство по делу, поступившему к нему с обвинительным актом. Заинтересованные лица могут не согласиться с данным решением прокурора и обжаловать его в суд. Однако, при буквальном толковании норм ч. 1 ст. 125 РФ решения прокурора уже не являются предметом подобного обжалования.

Коллизии ошибок логического характера. Правотворческие ошибки логического характера, несмотря на сотни принятых изменений, столь часто проявляют себя при анализе норм УПК РФ, что говорить о системности нормативного регулирования достаточно сложно.

Весьма весомым достижением УПК РФ принято, к примеру, считать комплексное урегулирование института реабилитации (гл. 18 УПК). Однако при анализе юридических оснований реабилитации, и ее возможных субъектов воз-

никают такие проблемы, которые заставляют усомниться в истинной воле законодателя и целях введения данного института. В нормах ч. 2 ст. 133 УПК РФ законодатель, в частности, указывает, что право на реабилитацию имеют подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения (п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК); осужденный, в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса (п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК). Общим для этих двух оснований, в частности, является то, что и в случае отказа государственного обвинителя от обвинения дело подлежит прекращению по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Однако норма п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, как известно, является отсылочной. По этой норме дело, в том числе, подлежит прекращению ввиду истечения сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК) или ввиду смерти подозреваемого/обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК). Законодатель упускает из виду, что буквальное применение названных оснований делает ничтожной саму суть института реабилитации, ибо, к примеру, лицу, совершившему преступление, достаточно «выждать» истечения сроков давности уголовного преследования, чтобы затем требовать на вполне «законных» основаниях своей реабилитации. В случае смерти того же обвиняемого, его родственники могут требовать на тех же «законных» основаниях его реабилитации и возмещения различного рода убытков. Позиция законодателя в названных нормах противоречит и основаниям реабилитации, предусмотренным в нормах ч. 2 ст. 212 УПК РФ, где в качестве реабилитирующих названы лишь пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. В данной связи, очевидно, что нормы ч. 2 ст. 133 УПК РФ должны быть изложены без ссылки на п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ¹⁰.

По буквальному смыслу ст. 139 УПК РФ право на возмещение вреда, причиненного следственными органами, в порядке гл. 18 УПК РФ имеют и

---

¹⁰ См.: Ковтун Н.Н. Реабилитация в российском уголовном процессе: Монография /Р.В. Гаврилюк, Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2007. 216 с.

юридические лица. Фактически это означает, что названные субъекты также подпадают под действие норм института реабилитации. Однако это противоречит самой сути данного института, как воздаяния и извинений государства за незаконное уголовное преследование, за вред причиненный им. Юридические лица, как известно, ни по нормам УК РФ, ни по нормам УПК РФ не являются субъектами уголовного преследования. Поэтому, если они и имеют право на возмещение вреда от неправомерных действий следственных органов или суда, то лишь в порядке ст. 1069–1070 ГК РФ, но никак не института реабилитации, на чем настаивает законодатель в нормах гл. 18 УПК РФ.

Непонимание сути юридических оснований для принятия тех или иных процессуальных решений еще не раз подводит законодателя при конструировании важнейших процессуальных институтов и норм, ибо буквальное их применение в состоянии породить крайне негативные коллизии правоприменительного процесса. Так, определяя в нормах ст. 302 УПК РФ основания и виды приговоров, которые могут быть вынесены судом по итогам судебного разбирательства, законодатель, в который раз «забывает» про отсылочный характер нормы, предусмотренной п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. В итоге, по нормам ч. 8 ст. 302 УПК РФ суд (якобы) обязан вынести оправдательный приговор в каждом случае установления оснований, предусмотренных названным пунктом, т. е. и в случае смерти обвиняемого, и в случае истечения сроков давности уголовного преследования. Абсурдность этого предписания столь очевидна, что, несмотря на его наличие в УПК РФ, ни один из судей не воспринял его в качестве позитивной нормы закона, руководствуясь в этом вопросе, во-первых, нормами ч. 1 ст. 302 УПК РФ, во-вторых, устоявшимся правосознанием относительно надлежащих оснований для вынесения оправдательного приговора¹¹.

Правовую коллизию образуют и нормы ст. 239 УПК РФ, регулирующие основания для возможного прекращения дела в стадии его подготовки к судебному заседанию. По буквальному смыслу имеющихся предписаний, судья на

---

¹¹ Это же непонимание сути основания и правовых последствий п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ объективно проявляет себя и при анализе норм ч. 4 ст. 213, ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

этом этапе вообще не вправе прекратить уголовное дело, установив в ходе его изучения отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК), отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК) или непричастность обвиняемого к инкриминируемому ему преступлению (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК). Названные основания исключены законодателем из норм ст. 239 УПК РФ. В итоге, даже при явном установлении данных оснований на этапе подготовки дела к судебному заседанию (гл. 34 УПК) судья не может принять меры по прекращению дела и реабилитации незаконно преследуемого лица. Следуя букве закона, суд обязан назначить и провести судебное разбирательство по существу и лишь по итогам последнего постановить оправдательный приговор, «компенсировав» тем самым тяготы обвиняемого. Комментировать оптимальность указанного предписания, полагаем, бесполезно.

«Отличился» законодатель и при конструировании нормативных изъятий производства по делам частного обвинения у мирового судьи (гл. 41 УПК). Нами уже отмечались отдельные из этих коллизий, предлагались и меры по их устранению¹². Однако, законодателем они не восприняты. Более того, нормы закона №87-ФЗ от 5 июня 2007 года, отчасти, пополнили коллизии данного производства. Именно данным законом, в частности, искусственно подменена суть состоявшегося примирения сторон по делам частного обвинения.

Так, указывая на возможное примирение сторон по делам частного обвинения, нормы ч. 4 ст. 318 УПК РФ не регулируют процессуальной формы и оснований подобного примирения. Пробел, по идее, устраняет ч. 5 ст. 319 УПК РФ, специально оговаривающая, что в случае возбуждения дела частного обвинения по правилам ч. 4 ст. 20 УПК РФ, оно подлежит прекращению в виду (состоявшегося) примирения сторон только по основанию ст. 25 УПК РФ. Между тем, суть прекращения производства по делам частного обвинения посредством примирения сторон по правилам ч. 2 ст. 20 УПК РФ и по правилам ст. 25 УПК РФ – принципиально различна. Примирение по ч. 2 ст. 20 УПК РФ является

---

¹² Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Процессуальная форма подготовки дел частного обвинения к судебному разбирательству у мирового судьи: проблемы теории и практики // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – №4. – С. 189; 2006. – №1. – С. 72–80.

безусловным императивом для публичных процессуальных органов, реализуемым вне зависимости от их внутреннего убеждения о целесообразности такого решения, тогда как по правилам ст. 25 УПК РФ – всего лишь правом и зависит от ряда, установленных законом условий, несоблюдение которых исключает подобное прекращение. Примирение сторон по ч. 2 ст. 20 УПК РФ выступает в качестве реабилитирующего основания прекращения уголовного дела, тогда как решение, принятое по правилам ст. 25 УПК РФ, – нереабилитирующее, по сути. Не видеть принципиальной разницы в указанных основаниях, а равно в правовых последствиях подобного прекращения – значит сознательно игнорировать специфику дел частного обвинения, волю сторон и исторический опыт возбуждения и прекращения (в виду примирения) дел частного обвинения. Тем более что публичное возбуждение уголовного дела по правилам ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ не изменяет ни частного характера спора сторон, ни тяжести содеянного, ни личности лица, совершившего деяние. В данной связи снятие явно надуманного законодателем противоречия в порядке и основаниях прекращения, по сути, тождественных дел видится в согласованности норм чч. 2 и 4 ст. 20, ч. 4 ст. 318 и ч. 5 ст. 319 УПК РФ.

Коллизионной, по сути, ошибкой законодателя видятся и нормы ч. 6 ст. 319 и ст. 320 УПК РФ, императивно указывающие на то, что подготовка дела к судебному заседанию у мирового судьи осуществляется исключительно по правилам гл. 33 УПК РФ, т. е. без (возможной) реализации предварительных слушаний. Практика, во-первых, уже дает примеры, когда решения мировых судей, принятые в порядке гл. 33 УПК РФ, однозначно отменяются вышестоящей судебной инстанцией (по жалобам заинтересованных лиц) с указанием на то, что по делу имелись основания для реализации предварительных слушаний. Во-вторых, по делам частного обвинения основания для реализации предварительных слушаний не исключают себя, к примеру, при необходимости прекращения уголовного дела в виду состоявшегося примирения сторон (п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК). При изучении данного вопроса в ряде регионов страны нам не уда-

лось обнаружить ни одного дела частного обвинения, прекращенного мировым судьей по правилам ч. 5 ст. 319 УПК РФ в порядке предварительных слушаний.

Коллизией производства по делам частного обвинения являются и нормы ч. 3 ст. 321 УПК РФ¹³. Согласно последним рассмотрение дела частного обвинения может быть соединено в одно производство с рассмотрением встречного заявления обвиняемого. При этом соединение допускается на основании постановления мирового судьи до начала судебного следствия. Формулируя данные нормы, законодатель, как минимум, некорректен в ряде принципиальных моментов. Говоря о соединении «первичного» заявления потерпевшего (частного обвинителя) и встречного заявления обвиняемого, законодатель умалчивает о том, что подобное соединение, по идее, возможно лишь до принятия названных заявлений к производству мирового судьи. В дальнейшем речь, фактически, идет о соединении двух уголовных дел, которые считаются возбужденными с момента принятия каждого из названных заявлений к производству мирового судьи (ч. 7 ст. 318 УПК). В данной связи не могут быть соединены, как утверждает законодатель, в одном производстве «...до начала судебного следствия» заявление частного обвинителя и встречное заявление обвиняемого, которые к данному моменту заявлениями уже не являются, «приобретая», после принятия их к производству, статус уголовного дела. Основа данного вывода в нормах ст. 153 и 237 УПК РФ. Согласно, последним правомочием на соединение уголовных дел обладает лишь руководитель следственного органа, но не суд.

За годы функционирования УПК РФ явной коллизией правоприменительного процесса являются нормы ч. 4 ст. 367 УПК РФ, регулирующие виды решений, принимаемых апелляционным судом. Суть коллизии в императивном велении законодателя оформлять итоговые решения суда апелляционной инстанции, предусмотренные пп. 2–4 ч. 2 ст. 367 УПК РФ, исключительно приговором. Буквальное следование данному правилу приводит к тому, что, к примеру, решение апелляционного суда об отмене решения мирового судьи и пре-

---

¹³ См.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Институт соединения уголовных дел при производстве по делам частного обвинения у мирового судьи //Мировой судья. – 2005. – №9. – С. 16–19.

кращении уголовного дела (в виду примирения сторон, истечения сроков давности уголовного преследования) исключительно в этой инстанции следует оформлять не постановлением (определением) суда, а приговором. Приговор о прекращении уголовного дела это не просто абсурдно, это подрывает уважение к важнейшему акту правосудия, выносимому от имени государства. Однако буквальное предписание законодателя в этом вопросе выглядит именно так.

Можно было множить примеры коллизий, являющихся прямым следствием ошибок правотворческого процесса. Однако надо суммировать. Как известно, еще при обсуждении проекта УПК РФ к сути и содержанию его предписаний было высказано столько критических замечаний, что ставилась под сомнение сама целесообразность принятия данного (переходного, по сути) нормативного акта. Тем не менее, весомым достижением судебной реформы объявлен порядок, при котором «принятие нового УПК РФ 2001 г. стало возможным в силу активной позиции президентских структур и изменившегося расклада сил в Государственной Думе»¹⁴. Результаты такого расклада, в том числе для обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, государства и общества, представляется, очевидны.

Сведения об авторе: *Ковтун Николай Николаевич*; д.ю.н., профессор; профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Государственного университета - Высшая школа экономики.

Ковтун Н.Н.: 603600, г. Н. Новгород, ул. Костина, д. 2-Б; т. р. (831) 416-93-35.

---

¹⁴ См.: Михайловская И.Б. Новый УПК РФ: изменение процессуальной формы // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 18-19 декабря 2002 г. / Под ред. С.А. Шейфера. – Самара, 2003. С. 15.